

Я пошла домой пешком, хотя было уже поздно. Или, наверное, правильнее было бы сказать, что я шла домой пешком, потому что было уже поздно. Здесь не было ни нестерпимо яркого солнца, ни толп болтающих людей. Там были люди, но они шли, прижавшись друг к другу, тихо разговаривая и не оглядываясь. По ночам люди верили в чудовищ, а ночью чудовища могли прятаться поблизости, пока их не увидят.

Но была и другая, более серьезная причина, по которой я наслаждалась прогулкой от кабинета психолога на десятой улице до своей квартиры на тридцать первой: нормальная, человеческая женщина, которой я когда-то была, никогда не смогла бы наслаждаться ею. Она не выходила в этот час одна, а если выходила, ожидая хорошо освещенного автобуса или одинокого такси, то стояла, положив одну руку на сумочку, а другой сжимая перцовый баллончиком, и все время думала: "я выжму сопло, и ничего не случится". Я буду сопротивляться, и он все равно не доберется до меня. Если ему нужна моя сумка, пусть берет. Он может получить все, что угодно. Я могу его заменить. Но ему нужны не только мои наличные, кредитные карточки и серьги. И я буду бороться, но это ничего не изменит.

И ее глаза старались охватить все сразу. Она будет оглядываться по сторонам, как животное на улице. Как добыча. И каждый хищник мог бы сказать, просто по тому, что она не могла стоять спокойно, просто по тому, как она дрожала теплыми ночами, что эта женщина была жертвой, ожидающей, чтобы быть жертвой. И это было бы совсем не трудно.

Скорее всего, она бы с трудом достала из сумочки перцовый баллончик. Если бы ей понадобилось воспользоваться им, она бы поняла это слишком поздно, или же она нажала бы на крышку и выбросила его из рук на улицу.

Она боялась, так боялась, что даже когда она садилась в этот хорошо освещенный автобус, даже когда она была плотно заперта в своей собственной квартире (три замка на входной двери, два в спальне, телефон у кровати, свет в шкафу), она была слишком напугана, чтобы закрыть глаза. Такой страх никогда не покидал женщину, которая знала, насколько уязвима. Такой страх будит тебя по ночам, когда ты представляешь себе не вампиров и не людоедов из-под кровати, а звук отодвигаемого засова, звук шагов в коридоре.

Именно из-за нее я гуляла по ночам.

Я жалела и любила ее, как сестру, слишком молодую, чтобы ссориться с ней, и мне ужасно хотелось, чтобы она видела меня сейчас, видела, как я не оглядываюсь по сторонам, как я не дотрагиваюсь до кармана, чтобы убедиться, что мои деньги и ключи все еще там, как я только завязываю свои темно-каштановые волосы по бокам в косички, чтобы они не мешали мне.

Мне хотелось, чтобы она видела, как я наслаждаюсь прогулкой, как закрываются ночные и дневные магазины Сан-Антонио, а другие оживают, проходя мимо стольких людей с такими бесконечными мирскими причинами для того, чтобы отсутствовать в этот час. Они меня не заметили. Я не была похожа на хищника. И они не заметили меня ни по какой другой причине. Мне не хватало очарования киношных вампиров. И мои волосы были заплетены в косички. Трудно выглядеть гламурно с косичками.

Я миновала темные переулки. Я кивнула высоким мужчинам, идущим в одиночестве. Я въезжала и выезжала из "плохих" районов города. Теперь я жила в " плохой " части города, в дешевой квартире с шестью замками на двери. Я никогда их не запирала.

Сегодня вечером я улыбалась, когда шла, вспоминая ту молодую сестру и наслаждаясь вещами, которыми я часто забывала наслаждаться, не только моей прогулкой, но и моими потрепанными ботинками Converse, моими джинсами, моей зеленой футболкой Hogan Heroes и темной курткой. Боже, неужели я привыкла терпеть высокие каблуки? А колготки? Я чуть не рассмеялась вслух.

А потом моя любимая часть этой темной ночи подошла сзади и обняла меня за шею. Окончательно.

- Что ты делаешь? - взвизгнула я. - что ты делаешь? Отпусти меня!"

Он засмеялся, и я тоже засмеялась, что смутило его. Я обмякла.

-Какого хрена—"

Затем я резко выпрямила ноги и ударила его головой в подбородок.

Он отпустил меня. Они всегда отпускали меня.

Я не хотела устраивать сцену сегодня вечером, поэтому схватила его за горло и потащила в переулок, из которого он выскользнул. Он издавал задыхающиеся звуки и схватил меня за руку. Его лицо начало краснеть, и он начал брыкаться, пытаясь снова встать на ноги.

Это было то, что я действительно хотела, чтобы другая Энни увидела.

Глаза мужчины расширились, и когда один из моих зубов царапнул его запястье, он закричал, как будто был в огне.

Это было не так уж больно. Как порез на бумаге, и достаточно глубокий, чтобы на его поверхности появилась капелька крови. Никаких перерезанных артерий, никаких кровавых брызг. Когда вы заказываете икру, вы не набиваете ею рот и не размазываете ее по всему лицу. Вы не позволяете ему упасть на землю и попасть в ковер.

Вы смакуете. Вы едите каждый кусочек, как будто вы глубоко осознаете, сколько стоит каждая чайная ложка.

Другое дело, что вы не жалеете ни минуты на то, чтобы думать о страданиях маленьких яиц. Вы не думаете о рыбе, плачущей в океане, потому что Пола, Джимми, Венди, Пако, Роб и

Анджелина ушли навсегда. Потому что они-еда. Они были созданы, чтобы быть съеденными. Вы были созданы, чтобы есть их.

С такими же убеждениями я лизнула маленький порез и медленно пососала его. Его сердце все еще колотилось, так что кровь имела свежий, быстрый вкус. Интересно, от адреналина кровь становится такой же вкусной?

Буду знать. Ни одно живое существо не было так увлечено собой, как он. Ты вытаскиваешь его из библиотеки, поворачиваешься к нему спиной на одну минуту и находишь его в лаборатории. Я пытался уговорить его вступить в Лигу боулинга, взять несколько бизнес-классов, даже завести друга по переписке, но он был безнадежно сосредоточен. Бедный парень.

Он скрутился и заплакал, как взволнованный козленок.

Шея приятная, теплая, но и немного личная. Запястье лучше, когда вы ищете кровь и не хотите больше контакта, чем это необходимо. Я не могла себе представить, как прижимаюсь лицом к лицу с этим подонком, как любовница, прижимаюсь губами к его шее. На самом деле от него так сильно пахло, что я уже не получала такого удовольствия от еды, как раньше.

Я пила до тех пор, пока в венах не остались лишь капельки крови. В какой-то момент он перестал дергаться и плакать, но запах не исчез. Мне казалось, что дальше будет только хуже.

Я достала из заднего кармана "Зиппо" и зажгла его рубашку. В мире, где криминалисты были почти супергероями, по крайней мере на телевидении, я не могла быть слишком осторожной.

К счастью, никто не обращал особого внимания на обугленных воров в переулках.

Я облизала губы, поправила одежду и повернулась спиной к растущему пламени.

<http://tl.rulate.ru/book/42190/953208>